

— Нет, ты только посмотри, какая прелесть, — моя жена радовалась, то и дело притрагиваясь к округлившемуся животу своей подруги, — Не успел пацаны подрасти, а уже еще на подходе. Тошик, кого ждем? — уже она интересовалась у ее мужа, виновника этого счастливого события.

— Не знаем еще, — ответила за супруга Тоня, кокетливо выставляя свой живот, — Были на УЗИ, но сказали, что прячется. Хорошо бы, если девочка. А вы когда? Чего тянете?

Мы с женой вздохнули, вот уже пятый год, несмотря на регулярные попытки, потомства у нас не заводилось.

— Да вот, не получается; — после небольшой паузы призналась Иринка, моя жена.

— Плохо! — протянула Антонина.

— Пойдем, Тош, курнем, — предложил я Антону, поймав взгляд жены, которой хотелось поболтать со своей подругой. Мы достали сигареты и пошли подымить в беседку во дворе.

Антон и Тоня наши институтские друзья. Мы с Антоном учились на одном факультете, а девчата поступили на год позже. Мы с Тошей подружились сразу. Я предложил ему жить у меня, благо я был местный и у меня был этот скромный домишко, к тому же институт тут рядом, рукой подать, а до общежития, где дали Антону койку, полчаса езды на трамвае.

Именно Антон познакомился первым с моей женой, эту стройную брюнетку и привел он как-то к нам вечером. Затем они заходили еще, потом приходили уже с рыжим Тоником, как любили называть Антонину. Потом я добросовестно отбил подругу у товарища, а он недолго думая, переключился на веснушчатую Тоню, все время продолжая заглядываться на Иринку. Но возможно, что именно Ирина сделала выбор, предпочла меня, так как Антон собирался возвратиться домой, подальше от этих хватов, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов, как сочинил когда-то классик. Конечно, не в Саратов, но и недалеко. А меня уже ждала должность на местном комбинате, директор которого был моим дальним родственником.

На последнем курсе мы сыграли свадьбу. Вначале мы с Ирккой, а потом и Тошик с Тоником. После чего они вместе перебрались к нам, заняв комнату, которую я уступал другу.

После защиты диплома мы устроились в городе, я на комбинат, а Иринка на станцию, а наши друзья уехали к себе, где Антон стал каким-то начальником у себя в совхозе. Там на чистом воздухе, на своих овощах и фруктах, на молоке, они сразу произвели одного ребенка, затем другого, а потом страну огайдарил Чубайс, и совхоз стал разваливаться. Земли стали скупать новые русские под особняки, с работой стало хуже и хуже, вот я получил письмо от друга, где он спрашивал, нет ли работы у нас. Директор — дядька седьмая вода на киселе долго выпрашивал меня об Антоне: кто он, как он, не стал ли у себя в деревне закладывать за воротник? Получив от меня положительные рекомендации, отрезал: «Зови!»

Я тут же отбил телеграмму. И вот уже наши друзья с дороги сразу поспешили к нам, пока оставив ребятишек у родственников в деревне.

Мы накрыли стол, невдалеке топилась баня, а в холодильнике приобретала нужный градус литровая банка самогона.

Пьянка не ладилась. Тонику нельзя в ее положении, Иринка решила ее поддержать, а Антон на самом деле был к этому делу равнодушный, поднимал свою стопку только поддержать меня, но и то не пил, а только пригублял понемногу.

Мы посидели в беседке, поболтали, вспомнили студенческую жизнь, заодно я рассказал о перспективах, пообещал с утра отвести его на комбинат, показать новое место работы, познакомить с директором. Затем заглянули в баньку, убедившись, что она почти готова, и вернулись в дом.

В доме мы застали довольно пикантную картинку: посередине кухни стояла Тоня, уже в голубеньком халатике, распахнув полы, а у ее ног на корточках в таком же халатике, на корточках сидела моя жена, прислушиваясь к животу подруги. Я окинул взглядом полуобнаженную подругу. Она была великолепна. Ослепительно белый бюстгальтер охватывал ее набухшую грудь, такие же белоснежные трусики узкой полоской прятались под выпирающим животом. Иринка тоже была хороша. Она сидела на корточках, раздвинув ножки, давая заглянуть себе на промежность. Антон так и впился туда глазами. Но это продолжалось какие-то мгновения.

— Хватит, стриптиз закончен! — подвела итог моя жена, поднимаясь, Тоник запахнула халат. Мы снова устроились за столом.

— Ребят, а может попробовать искусственное? Сейчас делают. Если что, мы поможем

— продолжая начатый разговор, предложила Тоня.

— Каким местом? — не удержавшись, схохмил я.

— Дурак! Финансово. У вас одно на уме, кобели, — участливо объяснила непонятливому подруга.

— Нет, спасибо, не надо этого — колбы, пробирки, — отказалась тоже Ирка, — Мы сами, естественным путем.

Но уже гвоздь был забит. Семечко упало в мою голову. Может и правда найти донора? И тут я усмехнулся, вспомнив старый анекдот, как толстенький маленький врач, предлагающий сперму знаменитостей, усыпил пациентку и, спустив штаны, стал сам помогать ей стать матерью: «Бельмондо, Жан Марс, кто получится, тот и получится»

Чтобы разрядить обстановку, я скомандовал:

— А теперь обряд очищения души. Первыми идут мальчики!

Мы с Антоном собрались и пошли на первый пар. Я прихватил с собой бутылку, на что Антон меня укорил:

— Зачем? Сердце посадить можно.

— Положено! Банный день, — заметил я и прихватил начатую банку с солеными огурцами.

Парясь в бане, я не мог отметить, что жизнь в сельской местности пошла Антону на пользу. Из того молодого паренька к своим почти тридцати годам он стал настоящим мужиком. Тело окрепло мускулатурой, видимо он занимался физическим трудом. Я даже залюбовался. В такт хлопанью веником, раскачивался довольно крупный агрегат. Еще в студенческие годы, когда мы сюда водили подцепленных на танцах девчат, Тошу предпочитали, пожалуй, больше. Наверное, и Ирка бы выбрала его, если бы не его деревня. Интересно, было ли у них что, когда они гуляли? Ирка ничего не говорила, а спрашивать бесполезно, все равно не признается.

Мысли снова вернулись к предложению Тоника. А что? Отличный бы получился донор. Здоровье хорошее. Фигурой Бог не обидел. Детей хорошо строгают. На фотографиях, что нам показывали, даже можно сказать красивые.

Бред!

Я выскочил в предбанник, схватил сигарету и плеснул себе в стакан самогонки. Но не успел

еще закусить выловленным огурцом, как в дверь высунулась голова Антона.

— Чудило. Развезет же. Не можешь подождать? Потри мне лучше спину.

Я прожевал огурец и вернулся в мыльню, где стал натирать ему хребет и лопатки. Потом наклонился, и уже Тоша начал ерзать мочалкой по моей спине, задевая мои ягодицы своим прибором.

О чем я думаю?

Окатившись водой, мы натянули штаны и, набросив полотенца на плечи, поспешили в дом, не забыв забрать столовые приборы.

Когда мы зашли, девчата сидели по-прежнему в кухне, Иришка делилась с подругой, положив на стол руку, а Тоник держала свои на руке моей жены. Я уловил последнюю фразу:

— «Ещё немного и всё, будет поздно»; — увидев нас, Иринка замолкла.

— С легким паром! — поприветствовали нас барышни. Мы поблагодарили.

— Как там, жарко? — поинтересовалась Тоня.

— В парилке да, а в самой баньке терпимо. Ты там не увлекайся, — посоветовал ей муж.

Девчата тоже отправились мыться.

Мы устроились за столом, налили, выпили за пар.

— Хорошо ты детей клепаешь. Все так же, жарить? — допытывался я, уже изрядно захмелев.

— Ты что? Ей врачи запретили. Сказали, что беречься надо. Надо повременить, не дай Бог чтобы что не случилось. А уже сил нет, яйца сводит, аж уши пухнут. Хоть вручную стравливай, — Он плеснул еще. Мне полстакана, себе на доньшке, на глоток.

— А налево?

— Куда? Там не успеешь ширинку расстегнуть, уже вся деревня знает. Всё на виду. Да и некого, молодежь подалась в города, не со старухами же»; —

— Не позавидуешь!

Мы еще потрепались, но вернулась Антонина, спрятав волосы под накрученным полотенцем, и они отправились в свою комнату отдыхать. У меня в голове шумело, поэтому пошел на свежий воздух покурить и подождать супругу. Сев на крыльцо, я чуть не задремал.

Вернувшись в халатике на голое тело жена, помогла мне зайти в дом и раздеться, я сразу же рухнул в постель. Я успел услышать, как жена надевает ночную сорочку, почувствовал, что она легла рядом, и сразу же заснул.

Проснулся я оттого, что жены рядом не было. Я открыл глаза, ощупывая место, где она лежала, и заметил, что на кухне горит неяркий свет лампочки у плиты. Раздаются негромкие голоса.

Я встал и захотел посмотреть. Я подошел к дверям и заглянул. И тут же опешил, остолбенев. Моя Ирка в ночнушке сидела у Антона на коленях, и они упоенно целовались, причем бретелька сорочки сползла, обнажив грудь, которую ласкал Антон. Вторая его рука пряталась между бедер моей супруги, под задравшимся подолом. Они меня не видели. Сердце застучало, внизу живота появилась дрожь. Приплыли, ослики!

Сейчас, по прошествии двух десятков лет, когда я пишу эти строки, я вижу, что многие любители хардкора, читающие эти записи, чуть оживились. Сейчас мужик поступит как мужик»; Увидим, наконец, трагедию, судорожно сжатые пальцы сомкнутся на горле неверной Дездемоны, другой рукой стану наносить удары вилкой в грудь моего бывшего однокашника, с которым сюда же когда-то приводили девчат, не спрашивая их семейного положения, а стены кухни обрызгают кровью, дерьмо, песок и сахар. Меня повяжут

приехавшие на крики урядники, спящая беременная подруга, лишившаяся отца своих детей, наложит на себя руки, сиганув в ближайший ручей Катериной из драмы Островского, а директор всей картины так заявит без причины: «Такова судьба актёра и таков ей приговор!»

Можно, конечно, мирным путем разрешить вопрос, бросить эту шалаву, с которой прожил не один год, делил и стол, и кров, и супружеское ложе, как того советуют юные знатоки жизни, познавшие сладость оргазма в кулаке вместо женщины. Че правда? Нормальный парень 30-ти лет не найдет себе жену получше шлюхи? Ведь стоит только выйти на центральную площадь, расстегнуть молнию на брюках, и вот уже строятся в шеренгу самые верные претендентки нашего города, желая облагодетельствовать меня, заключить узы Гименя;

Извините, не оправдал надежд. Предохранитель в башке сработал.

Я отступил, обдумывая, что делать. Что-то мне подсказывало, что шум поднимать нет резона. Я решил подождать, посмотреть, что будет дальше, сделав вид, что не заметил.

После чего осторожно вернулся назад и лег. Спасибо деду, что строил дом — добротные половицы ни разу не скрипнули.

Мысли; А мыслей как таковых не было. специально для etales.ru Только какие-то обрывки мелькали в еще не совсем протрезвевшей голове. Член почему-то встал. Я слегка поглаживал его рукой, чтоб он успокоился.

Вскоре свет погас. Мимо прошел силуэт Антона, затем вернулась и жена, она осторожно скользнула под одеяло, приобняв меня рукой. Ждать утра не хотелось.

— Ну что, слаще? — спросил я шепотом.

Ирка отпрянула от меня.

— Ты что, подглядывал? — так же шепотом она задала свой вопрос.

— Немного. То, что надо — видел, — не стал я скрывать.

Она молчала.

— Пошли во двор, покурим, чтоб никого не разбудить.

Я натянул штаны и отправился на улицу. Ирка, прихватив кофточку, пошла следом.

Мы сели в беседке, я закурил, не зная с чего начать. Гвоздик, забитый Тоником, снова свербел.

— И что будем делать? — не выдержала Ирка.

— А хрен его; — отозвался я и решил проверить мелькнувшую догадку.

Я сунул ей руку под подол. Жена судорожно сжала ноги, но я успел почувствовать — белья, конечно, не было. Значит, он рукой щупал заветное.

— Ты чего? Сдурел? — возмутилась Ирка.

— Почти, — согласился я, — Слушай, малыш, как тебе предложение Тоника?

— Которое? — не поняла она.

— Ну, за столом, чтобы взять донора. Мне кажется, Тоша как раз подходит;

— Совсем с ума сбрендил. Перепил что ли? Ересь-то несешь. Сам доить будешь или кого попросишь? Я ухожу, — жена попыталась встать.

Я поймал ее за руку, заставляя остаться, а сам продолжал, уже осмелев, развивать идею.

— Нет. Зачем же сразу доить? Нормальным естественным путем. Не ехать же в этот центр искусственного, деньги выбрасывать. Мне кажется, дело не в тебе, у тебя же праздники регулярно, значит, овуляция происходит. И у нас сможет появиться ребенок.

— Ага! А потом у тебя будет право обвинить меня в измене.

— А я и сейчас, если на то пошло, могу обвинить тебя. Но не хочу. Я сделаю вид, что не замечаю, как вы… — я еще не мог произнести это слово.

— Вы что, сговорились? Вначале одна, потом второй, — Ирка проговорила. Вот, оказывается, о чем они с Тонькой шептались. Значит, подруга и впрямь решила оказать помощь.

— Не сговаривались, но пришли к одному… выходу, — заключил я, — Иначе, может быть, детей нам не видать.

Ирка молчала, взвешивая информацию.

Тут я решил вытащить еще одну занозу.

— А у вас с Антоном до меня что-нибудь было?

— Какая разница?

— Ну, так, интересно.

— Ну, было. Доволен?

— И как? — продолжал допытываться я.

— А то не знаешь? Сколько баб сюда перетаскали. Тут не слухи — легенды ходили: «Наливают, отпускают…». Зябко что-то.

— А, между прочим, он признался, что у него давно интима не было. Тяжко мужику, сперма на уши давит. Тонику пока нельзя.

— Знаю, в курсе. Ой, достал ты меня, голова уже кругом. Аферист. Спать надо. Утром вставать, а тебе еще к директору.

Ирка встала и пошла в дом.

Я чуть задержался и выкурил еще сигарету.

Опять скажите мне, что розовые сопли. Что нечего всю жизнь воспитывать и кормить чужого ублюдка. Может быть. Но это ребенок от любимой женщины. Тот, кто любить не научился, кто не любит даже самого себя, этого не поймет. Только вот как они же женятся на разведенках, у которых в приданом дети от предыдущих браков? Или их воспитывать и кормить не надо?

Мысли путались. Я загасил сигарету и тоже отправился спать.

Когда я лег, жена делала вид, что спит, но я видел ее глаза, устремленные в потолок, она все взвешивала поток информации. Я обнял ее и незаметно уснул.

Утром я проснулся позже всех. Жена уже готовила завтрак, Тоник ей порывалась помогать, Антон во дворе развлекался зарядкой, разминая мышцы наклонами, прыжками и отжиманиями.

Перекусив, мы отправились работать, оставив Антонину заведовать хозяйством. Я лично вручил ей пульт от видеоманитофона, показав, как им пользоваться, чтоб она не скучала.

Процесс оформления Антона на работе, надеюсь, не вызывает интереса. Мои трудовые будни тоже, поэтому обострять внимание не буду. Но перед концом рабочего дня прозвучал первый звонок, причем в буквальном смысле слова. Меня позвали к телефону. На проводе был Тоник.

— Не хочешь составить мне компанию? Надо прогуляться в консультацию, сдать кой какие анализы, заглянуть по магазинам. Я встречу тебя у проходной, — даже не удосужившись дождаться ответа, согласен ли я, прощбетала она, как будто это уже дело решенное.

Что тут непонятного? Необходимо время, чтоб я чуть позже вернулся домой. План «Донор»

перешел в активную фазу.

И на самом деле, когда я вышел на улицу, Тоник уж приплясывала недалеко от ворот. Она сразу же ухватилась за мою руку, и мы под любопытными взглядами некоторых сослуживцев, заметивших эту встречу, направились в сторону женской консультации. «Так, доложат жене», — мелькнула догадка, но это совершенно не беспокоило.

Просидев около получаса на скамеечке в скверике перед консультацией, я имел возможность полюбоваться на дамочек, готовящихся к материнству, входящих в двери и выходящих из них. Может и Ирку сюда водить буду?

Наконец выскочил Тоник.

— Теперь куда? — я уточнил планы.

— А вон, универмаг, — тряхнула рыжими кудряшками Тоня.

Мы перешли дорогу и направились в магазин. Возле каждой витрины она задерживалась, разглядывая, что там выставлено, явно тянула время. Но всему приходит конец, разглядывать было нечего, не начинать же всё по второму кругу. Мы вышли на улицу.

Я бросил взгляд на афишу кинотеатра, броские буквы «Ширли-мырли». То, что надо, очередной сеанс как раз скоро.

— А пойдем в кино, комедия интересная, гляди, Алентова, Джигарханян, Куравлев играют.

— Ой! Пойдем! — схватилась за идею, как за спасательный круг, Тоник.

Мы купили билеты, прошли в зал. Народу было немного. Моя спутница смеялась, а мне, если честно, фильм не понравился. Юмор какой-то грубоватый. Но полчаса все же пролетели. Уже три часа болтаемся. Интересно, а сколько надо? Не спрашивать же. На всякий случай для подстраховки я предложил зайти в кафе, где мы перекусили кофе с пирожными. Больше поводов гулять не находилось, надо и честь знать, я вспомнил, что нас, наверное, заждались, и мы тронулись домой.

Пришли, когда уже стемнело. Как раз заканчивались «Спокойной ночи, малыши!». Нас ждал на плите ужин. Иринка разгадывала очередной сканворд, вернулся со двора Антон, устраивающий возле сарайки себе турник. Мы сели за стол. Ирка с Тошей, пряча глаза, ужинали молча, по чему можно было заключить, что что-то все же произошло. Лишь Тоник делилась своими впечатлениями, рассказывая об ассортименте универмага и вспоминая запомнившиеся эпизоды фильма. Потом спохватилась и объявила, что УЗИ, наконец, показало девочку. Мы с Ириной поздравили друзей с этим событием.

Незаметно пролетело еще пара часов, мы стали укладываться спать.

Меня раздирало страшное любопытство, сон не шел ни в какую. Я стал привязываться к жене, выпытывая из нее подробности, который надо было тянуть из нее клещами.

— Да! Было… Нормально… Понравилось… — ограничивалась она краткими ответами.

В соседней комнате слышалось тихое бубнение, похоже, там тоже шел допрос. Но там Тоник требовала отчета. Наконец они затихли.

Я решил успокоить жену.

— Да поверь ты мне, — я шептал ей на ухо, — Представь, что ты это делаешь для меня. Ну, какая же это измена? Измена это когда втайне, за спиной обманывают. Это когда предают. Да, да, именно предают. Работают тут, в стране, живут, страна их кормит, а они работают на врага, продавая туда, что может повредить стране. А ведь та же турпоездка за бугор изменой не считается. Ну, съездил, отдохнул, потом вернулся и живи, никто слова не скажет. Так и тут,

ну, сходила… отдохнула, я же знаю, Тоник знает, значит не у нас за спиной, значит без вранья, значит нет предательства. Значит нет измены…

Конечно, я снова слышу авторитетное суждение уважаемых экспертов, что я дебил, что поощрять такое не к лицу нормальному челу, вместо того, чтобы сопливо и бесхребетно общаться с женой, надо разводиться нах, и рожать детей самому. Если получится.

А я вместо этого сполз с постели, пристроившись у кровати, и, преодолев сопротивление жены, раздвинул ей ножки и уткнулся лицом в то место, откуда появляются дети. Вопреки предубеждениям, ничего такого, что могло быть противным, я не почувствовал. Я ласкал ее, целовал, проникая языком вовнутрь и облизывая живот, то место, где должна зародиться жизнь, показывая жене, что она мне по-прежнему приятна. От этого я возбуждился, успокоилась и расслабилась жена, пустив меня к себе дав исполнения супружеского долга.

Опять разочарую читателя. Расписывать, как мы совокуплялись, щедро снабжая описываемый процесс нецензурщиной, я не буду. Наверное, у большинства эти мероприятия у самих случаются, они прекрасно понимают, как это происходит. Почти так же, как в книге Петьки, который писал о поездке Чапаева. На первой странице «Сел на коня», на последней «Слез с коня», а в середине «Цок, цок, цок…». Так и тут, елозание в неск. строчек, та же физиология: Сунул, вынул, а между ними: «Тык, тык, тык…». Да это можно и посмотреть, похоже, эту исповедь читают те, у кого есть интернет. А в сети достаточно роликов, в которых можно воочию налюбоваться. Хотя, мое личное мнение, возбуждает то, что прикрито, завуалировано.

Сверкнувшая из под поднятого ветром подола попка, брошенный взгляд на грудь, показавшуюся в открытом вороте наклонившейся девушки, оставят больше впечатлений, чем те же трусики на пляже или моющиеся в бане женщины, тем более снятые во весь экран, вывернутые гениталии. К тому же свою собственную интимную жизнь в семье не очень хочется выставлять, как грязное белье, всем на обозрение. Равно как и со вкусом описывать размеры гениталий. К своим я привык, знаю их с детства, они мне неинтересны. А у жены почти такие же, как у всех, может с небольшими несущественными отклонениями. Проще уж сразу дать ссылку на страничку ВКонтакте, где сфотографироваться нагишом, чтоб все могли, даже дети и внуки, оценить и сравнить размеры. А то нравится, как хвастаются некоторые: «У меня прибор толщиной с ногу, я поутру, бывало, обуваясь, их путаю. Зато о женщин отбою нет, косяком идут попробовать». А тем, кто сочиняет чудеса акробатики, я почему-то не совсем верю.

Поэтому извините еще раз. Занимались без света, подробности в темноте были видны плохо. Исполнив соло на жене, я снова уснул.

Некоторое время мы с Тоником находили возможность оставить наших супругов, чтоб не стеснять их. Несколько раз я уезжал с комбинатовскими ребятами на рыбалку с ночевкой, чтоб, когда Тоник уснет, Тоша мог помочь Иринке стать матерью.

Конечно, все потом открылось, был и разговор, но без трагедии и без рукоприкладства. К великому прискорбию читателей, жаждущих крови в разборке брутальных мужиков.

Но результат оправдался. К тому времени, когда Тоник оказалась в роддоме, Иринка тоже носила под сердцем ребенка. Нашего ребенка. Вон он, стучит клавишами у себя в комнате на своем ноутбуке. На кого он похож? Поинтересуется кто-то. А на себя самого и похож, хотя сын уверяет, что он весь в меня — ниже пояса мамкиного ничего нету.

Антону после рождения дочери дали служебное жилье, они сразу съехали от нас, потом они

купили себе квартиру в нашем городе. Мы продолжаем работать вместе, и по-прежнему поддерживаем дружеские отношения. Всегда рады, когда друзья приходят по субботам попариться в баньке.